

5.1 Стилистические преобразования в лексике

Стилистические преобразования в лексике последних десятилетий в большей своей части обязаны **причинам внешнего, социального порядка**. К ним можно отнести:

- изменение состава носителей литературного языка,
- эмоциональную напряженность в жизни общества,
- резкое изменение общественных оценок жизненных явлений, событий, психологических и социальных установок и др.

Стилистические процессы в целом характеризуются двумя направлениями:

1. стилистической нейтрализацией,
2. стилистическим перераспределением.

I. Процесс нейтрализации касается как слов с а) завышенной стилистической окраской, так и б) слов стилистически сниженных.

И тому и другому способствует явная демократизация литературного языка, установление и формирование в нем более либеральных норм.

Запретительные меры при употреблении разностилевой лексики начинают пробуксовывать и не давать практических результатов. В итоге состав нейтральной лексики значительно пополнился большим количеством сугубо книжных слов, часто узкоспециальных и в еще большей степени слов сниженного характера, не только бывших разговорных и просторечных, но и жаргонных, утративших узкую социальную сферу применения.

А) Книжные слова *предпосылки, вкупе* (вместе), *доколе* (до каких пор), *воздать* (в. по заслугам – оказать награду или наказание), *всуе* (зря, напрасно), *тем паче* (тем более), *узреть, стезя* (путь, дорога), *баталия, уготовить, избегнуть, радеть* (р. о деле - заботиться), *ратовать* (р. за суверенитет России – выступать в защиту), *воочию* (своими глазами; наглядно), *нежели, прах, останки* (труп) и др. благодаря активизации экспрессивности в языке ослабляют свою книжную окраску и, будучи помещенными в нейтральные или даже сниженные контексты, становятся привычными, нейтральными.

Нейтрализуются (т.е. лишаются стилистической окраски книжности) многие широко распространенные термины, утратившие связь с конкретными отраслями знания: слова *перспектива, принцип, проблема, престиж, тенденция* в словаре Ушакова снабжались пометой «книжн.», которую они утратили в современном языке, поскольку стали употребляться свободно и широко в разных контекстах, вплоть до бытового. Утратили особую книжность и слова *импонировать, импровизировать, ординарный, инертный* и др.

Бывшая книжная лексика все чаще употребляется по отношению к бытовым явлениям или официально-государственным: *блюсти интересы государства, трудовая лепта* (т.е. скромный вклад); в бытовых контекстах встречаются слова *свершения, деяние, чаяния, поприще, достояние* (например, *пойти по пути сокращения и замазывания недостатков*). Еще недавно такая лексика воспринималась как устаревшая.

В современной публицистике часто употребляются ранее табуированные лексемы, прежде ограниченные тематической сферой религии: *догма, реликвия, исповедь, храм, евангелие, апостолы* и др. (*иконостас орденов, политическое евангелие, храм науки, коммунистические пастыри, духовный отец перестройки, молиться рынку*).

На сниженном стилистическом фоне часто используется и высокое книжное слово «*держава*»: *талонная держава, державка, слаборазвитая сверхдержава, хилая держава*.

Б) Параллельно с процессом нейтрализации высоких книжных слов идет процесс вхождения в нейтральный, общеупотребительный словарь элементов просторечия, жаргонов, узкопрофессиональных слов.

Если просторечные слова теряют свою сниженную окраску, т.е. стилистически выравниваются в нейтральном контексте, то жаргонные и профессиональные слова не только преобразуются стилистически, но при этом меняются и семантически, расширяя свою семантику за счет вхождения в новые контексты.

Такие **просторечные слова**, как *ребята, парень, учеба, лодырничать* (т.е. *бездельничать*), *нехватка, разбазаривать* (*plýtvat, mrhat*) нейтрализовались еще в начале века. Конец века характеризуется активизацией процесса перехода слов из ограниченной сферы употребления в область общелитературную.

Язык газет пестрит словами типа *лагерник, отказник, летучка, невозвращенец* (*emigrant*), *тусовка, перекур, беспредел, хрущоба, разборка, халява* (о чем.н. даровом, бесплатном, доставляющемся без труда – на халяву – даром, бесплатно), *перетасовка* (т.е. размещение иначе), *растащиловка, кайф*.

Одни названия денег, жаргонные и просторечные, свидетельствуют о растущей разговорности в рамках литературного языка: *бабки, штука* (тысяча), *кусок, лимон, стольник* (100), *чирик* (10), *пятихатка, зеленые, баксы*.

Внелитературная лексика привлекает к себе ощущением простоты, живости, некоторой вольности и раскованности речи. Попадая на страницы печати, она вносит разнообразные оттенки экспрессии. Именно поэтому современные журналисты, пренебрегая правилами стилистики, включают подобную лексику в свои тексты. При постоянном и длительном использовании она укрепляется в печати, расширяет свои контексты и в конце концов пополняет литературный язык.

Такова общая перспектива, однако это не значит, что все подобные слова обязательно попадут в литературный язык; время отсеет все сиюминутное, наносное, злободневное, устойчивыми окажутся лишь лексемы, актуальные для следующих периодов в жизни общества.

Наряду с разговорной, просторечной и жаргонной лексикой, литературный язык принимает в свой состав **профессионализмы**: *накладка, спайка, смычка* (соединение), *прослойка* и др. В данной группе слов стилистическая нейтрализация сопровождается расширением значения, утратой значения специального.

II. Параллельно стилистической нейтрализации идет процесс стилистического перераспределения - перемещения слов из одной стилистической группы в другую.

Например, некоторые слова из группы нейтральной лексики перемещаются в лексику разговорную (*давеча, повертывать (п. разговор в другую сторону)*), в просторечную (*взаправду* (т.е. вправду – *взаправду не шучу*), *згoдья* (заранее), *кабы, по крайности*), в книжную (*огласить, овеять (имя героя овеяно легендой), меж*), последние становятся устаревшими.

Бывшие нейтральные слова *сговор* (соглашение в результате переговоров), *писание, сборище* (скопление людей) перешли в разговорные с негативным оценочным значением.

Для современного русского языка характерна не только стилистическая нейтрализация, но и нейтрализация смысла путем эвфемизации, замены одних слов другими, чтобы закамуфлировать существо дела. Происходит затемнение нежелательного смысла слов. За нейтральным словом, словосочетанием скрывается прямое значение слов, часто нежелательное по политическим или морально-нравственным, этическим соображениям.

Например: *компетентные органы* (ЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ, ФСК); *учреждение* (лагерь, тюрьма); *непопулярные меры, физическое устранение* (убийство); *ограниченный контингент войск* (на территории Афганистана); *пойти на крайние меры* (ввести войска); *бесперспективная квартира* (с престарелым хозяином); *бесперспективная семья* (семья без надежды занять детей); *воины-интернационалисты; интимные услуги; лица с вредными привычками; нетрадиционные формы ведения войны* (полное уничтожение); *лица без определенного места жительства* (бродяги); *этническая чистка* (уничтожение лиц, не принадлежащих к преобладающей в районе национальности); *зачистка населенного пункта; высшая мера наказания; группы повышенного риска* и др.

Подобные эвфемизмы нейтрализуют истинный смысл прямых наименований, смягчают его, облекая в обтекаемые словесные формы. Такой камуфляж не скрывает смысла, новые наименования воспринимаются однозначно, однако форма облачения смысла становится корректной и психологически более приемлемой. Эвфемистические речевые формулы обычны для текстов официально-дипломатических, юридических, военных. В СМИ они могут получить иронический оттенок звучания.

Одной из особенностей современного функционирования лексики в языке массовой печати является **повышенная метафоричность**. В данном случае речь идет не о художественной метафоре, которая сугубо индивидуальна и обладает смысловой двуплановостью. Двуплановость содержания образной метафоры обеспечивается взаимодействием, «игрой» основного и ассоциативного значения. Метафора здесь выступает как литературный прием изображения.

Метафора языка современной массовой печати социальна, это скорее способ мышления, способ восприятия мира, а не только прием изображения. Такая метафора способна вскрыть общественно-политические и идеологические изменения в обществе и одновременно обнаружить их влияние на семантические процессы в лексике.

Исследователи метафоры и метафоричности языка применительно к определенному периоду жизни общества неоднократно отмечали, что по характеру метафоры, ее смысловой и социальной направленности можно понять менталитет самого общества.

Особым был набор метафор в публицистике советского периода (*фронт коммунистической культуры, рубежи пятилетки, битва за урожай, идеологические диверсии* и др.). Богатый материал на эту тему содержится в книге «Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка» (под ред. М.В. Панова. М., 1968).

Язык СМИ конца XX столетия, использовав богатые традиции прошлого, еще в большей степени расширил метафорические контексты с политическим и социальным содержанием: кабинеты власти, коридоры власти, национальные квартиры, корабль реформ, аграрный паровоз, окопы партократии, острова тоталитаризма, бастионы коммунизма, здание устаревшей политики и мн. др.

Слова и словосочетания, использующиеся в первоначальном значении в понятийных полях а) уголовный мир, б) больной организм, в) милитаризованное общество – в разных контекстах метафорически обозначают социальную действительность современной России:

- а) Россия как уголовное общество: *киллеры* (политические) – (politických) nájemní vrazi, *изнасиловать* – znásilnit, *убить* – zabít, *огробоить* – oloupit, *яд* (пропаганды) – jed (propagandy), *беспредел* (политический) – zvrůle (politická), *разборка* (между партиями) – vyřizování účtů (mezi politickými stranami), *надсмотрщики* – dozorcí, *охранники* – ochranka;
- б) Россия как больной организм: *чума* – mor, *лихорадка* – horečka, *шизофрения* – schizofrenie, *паранойя* – paranoia, *слабоумие* – slabomyslnost, *нарушение кровообращения* (финансового) – porucha krevního oběhu (financí), *наркотическая зависимость* (от долларовых инъекций) – drogová závislost (na dolarových injekcích), *метастазы* – metastázy, *атрофия* (власти) – atrofie (moci), *язва* – vřed, *паралич* – paralýza, *шоковая терапия* – šoková terapie, *хирургическое вмешательство* – chirurgický zásah, *реанимация* (экономики) – ožívování (hospodářství);
- в) Россия как милитаризованное общество: *наступать* (под чьим-л. флагом) – útočit (pod něčí vlajkou), *прятаться в окопах* – schovávat se v zákorech, *оставлять стратегические высоты* – vyklízet strategické pozice, *информационная война* – informační válka, *рядовые солдаты* (избирательной кампании) – řadoví vojáci (volební kampaně), *массированный огонь* – hromadná palba, *отступить* – ustupovat, *бомбардировать* – bombardovat, *объявить войну* – vyhlásit válku, *торжественный марш* – slavnostní pochod.

Подобная метафоризация часто сопровождается серьезными по своим последствиям процессами в области семантики слов, в частности, особенно активен процесс десемантизации терминов (процесс детерминологизации).

Публицистика конца 20 – начала 21. вв. – процесс экспрессивизации газетной речи

В современной публицистике заметен сдвиг в сторону экспрессивизации речи, которая связана со «снятием языковых табу»¹. В газетах новейшего периода четко выделяются два основных направления в употреблении лексики: это

- а) лавинообразное употребление с н и ж е н н о й лексики – от пейоративной до грубой, представленной просторечными словами, жаргонизмами и вульгаризмами, и
- б) широкомасштабное употребление з а и м с т в о в а н н о й и и н о я з ы ч н о й лексики.

Эти тенденции на первый взгляд противоположны: употребление иностранных слов всегда считалось признаком книжности, начитанности, а употребление сниженной лексики характерно как для устной разговорной речи, так и для речи малообразованной. И все же лексика таких непохожих на вид групп существует сейчас не только в одной и той же статье, но даже в одном и том же предложении. Смешение стилей стало не исключением, а, скорее, правилом. В случае иноязычных слов дело осложняется еще и тем, что заимствованные слова, замещающие первоначально слова высокого стиля, в сегодняшней речевой практике, прежде всего в жаргоне молодежи, превращаются в свою стилевую противоположность, так что появление иноязычного слова в тексте вовсе уже не является однозначным сигналом книжного стиля, а часто скорее наоборот – знаком некультурного речевого поведения.

Что касается употребления **стилистически сниженной (субстандартной) лексики**, то в языке газеты это опять феномен не новый, но он меняется качественно, в сторону большей вульгаризации. Объясняется это тем, что в последнем десятилетии 20-го века потребность в экспрессивных средствах особенно велика, что и проявляется в невероятном количестве сниженных элементов на страницах газет.

Это явление имеет свою социальную базу и может рассматриваться как реакция на долгие периоды государственного давления и цензуры. Фактически этому способствует то обстоятельство, что в период разгосударствления ослабевают сама нормотворческая функция государства: отменяется газетная цензура, становится менее строгой редакторская правка. Особенно большое место среди сниженной лексики занимает лексика с отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской. Это, конечно, неудивительно. Перестроечные процессы в бывшем СССР, пусть даже половинчатые, привели все-таки к гласности, открытости и свободе слова де-факто. У журналистов появилась возможность наконец-то стать журналистами в прямом смысле этого слова и высказывать свое личное мнение по поводу различных фактов в жизни страны и за рубежом. Для создания специальных эмоционально-оценочных эффектов, которые требуются в определенном контексте, следовательно, привлекаются сниженные слои лексики, чем и достигается требуемый эффект: осуждение, неодобрение, ирония, презрение и т. п.:

- а) разг. и жаргонная лексика: *барахолка* (*prodejna s použitým zbožím*, „*sekáč*“), *бардак* (*peročádek*, „*bordel*“), *важняк* (*důležitá věc*), *тусовка* („*slezina*“, „*mejdan*“), *прикид* („*vohoz*“, „*hadry*“), *прикинутый* („*vohozený*“, „*voháknutý*“), *мент* („*polda*“, „*fízl*“); *крыть*, *поливать* (*nadávat*), *надуть*, *облапошить*, *напарить* (*podvést někoho*), *спереть*, *умыкнуть* (*ukrást*, „*šlohnout*“), *керосинить* („*nasávat*“, „*chlastat*“), *аховый*, *дерьмовый* („*minusový*“,

¹ См.: Дуличенко, А. Д.: указ. соч., с. 145.

„podělaný“), *крутой* (abnormální, výjimečný), *дурдомный* (bláznivý, „ujetý“), *забугорный* (zahraniční), *разборка, разбираться* (vyřizování účtů), *тачка* (auto, „kára“), *пахать, крутиться* (pracovat, „makat“), *бабки, капуста* („prachy“), *гринь, баксы* (dolary, „doláče“), *лимон* (milion, „meloun“);

б) грубые и вульгарные выражения: *блин* (od ‚блядь‘ = kurva), *брехня* („kescy“, „žvásty“), *дерьмо* (hovno), *жлоб* („koryto“) , *жрать, жратва* („žranice“), *задница, засранец, мурло, рыло* („ksicht“), *наплевать* („vykašlat se“), *оболванивание* („oblbování“), *паскудство* („svinstvo“), *похерить* (schovat, „zašít“, „sbalit“), *пишик* („prd“), *трахать* (souložit), *ублюдок* (člověk s nízkými pudy), *халява* (bezplatně, „zadara“), *хана* („šmytec“, „spadla klec“).

Экспрессивизация речи проявляется также в области **словотворчества**, во-первых, в появлении ряда новых стилистически сниженных слов, образованных, напр., при помощи суффиксов *-ка, -ловка, -уха* (*запрещёнка, растащиловка, развлекаловка, веселуха, развлекауха, порнуха, чернуха*), во-вторых, в массовом употреблении разного рода авторских новообразований, т. наз. окказионализмов, индивидуальных слов или же неологизмов контекста. Такие слова, за редким исключением, не осваиваются языком, не входят в словарный состав, а живут только в каком-то определенном тексте, придуманы каким-то автором для специальных целей. Главная функция таких слов не номинативная, а экспрессивно-изобразительная и экспрессивно-оценочная (*прихватизация, дерьмократы, винопийство, подшефейный, дачелюбие, словообильный, третьемиризация, рубленок, телепомои* и т. д.). К появлению множества окказионализмов, образованных в основном по аналогии с существующими в языке словами, привел отказ журналистов от бывших языковых штампов, либерализация газетной речи и стремление к более легкому разговорному стилю в публицистике.

Одновременно с процессом экспрессивизации можно наблюдать менее заметный обратный процесс **стандартизации**, проявляющийся главным образом в изменениях адъективно-субстантивной валентности и в постепенном закреплении в языке новых сочетаний слов, отражающих политические, экономические и социальные изменения в жизни общества.

На смену застандартизованным в годы советской власти идеологемам, характерным для т. наз. «дубового языка» (*развитой социализм, социалистическая Родина, трудовые коллективы, братские народы* и т. д.) приходят раньше немислимые, табуизированные адъективно-субстантивные сочетания, называющие новые явления во всех областях жизни русского общества и быстро закрепляющиеся в языке (*частная собственность, рыночная экономика, акционерное общество, парламентские выборы, правовое государство, народный референдум* и др.). Таким образом происходит на синтагматическом уровне новая стандартизация языка, обеспечивающая его равновесие и выполнение им номинативной и коммуникативной функций.